

Олег Большаков

ЖИЗНЬ

И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

БОЛЬГЕНА

18+

Олег Большаков

Жизнь и удивительные приключения Большена

<https://litres.ru/74052303>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами история человека, который прошел путь от деревенского мальчишки до офицера, воевал в Чечне и на Донбассе, терял близких, пережил предательство, развод, отчаяние и сумел начать жизнь заново. Это книга о войне и мире, о мужской дружбе и любви, о случайностях, которые меняют судьбу, и о людях, благодаря которым хочется жить дальше.

Смешные, страшные, трогательные и порой невероятные истории складываются в живую летопись целой эпохи — от позднего СССР и «лихих девяностых» до наших дней. Написанная простым и честным языком, эта книга напоминает нам: пока человек способен держать удар, помогать другим и верить в лучшее, он остается непобежденным.

Содержание

Я за добро, добро победит	5
Крылья ангела	7
Как я появился на свет	12
Денди	15
Бомба	19
Дворовые «экзамены»	23
Операция «Проводы» и другие приключения	29
Олега	
Сестра, я вернулся живой	36
Печатка	41
Про отца	46
Наиграли	56
Как урны нам увольнение устроили	59
Ведьма	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Жизнь и удивительные приключения Ботьгена

*Большаков О., 2026
"Рукописи сгорели", 2026*

Я за добро, добро победит

Крылья ангела

После «передка» меня перевели не в тыл, а на «середину» — между тылом и первой линией. Назначили командиром взвода подвоза: возить боеприпасы и еду ребятам. В наличии у меня было восемь пацанов, два «Урала», одна БМП и пара блиндажей-складов. Работа, с одной стороны, рутинная: туда-сюда ездить, патроны, тушенку, воду возить, с другой — канистру адреналина в крови не расплескать бы.

Один случай запомнился особенно.

Ребята только вернулись с «передка», уставшие, напряженные. Я сварил им суп из консервов — простой, но горячий; аромат стоял по блиндажу такой, что хотелось никуда никогда больше не ехать, расслабиться хоть на десять минут и наслаждаться редкой в нашей «полосе» тишиной. Сидим, едим, готовимся спать. Вдруг по рации командир подаст срочную задачу: «Нужны боеприпасы на передок, наступ, срочно!»

Пацаны и так вымотались, завтра рано вставать, новая задача. Чтобы их не гонять, решил ехать сам, вызвался еще Дед — водитель, крепкий мужик, с глазами ястреба и отвагой беркута. Третьим не лишним берем начальника склада с позывным Шмон, садимся в «Урал». Полночь, мнимая тишина, небо синее, словно кто-то чернила разлил да крошки вафельные разбросал — не небо, покрывало. Поле уже по-

дернулось настом, луна светит прожектором, изо рта вырываются клубы пара — все видно впереди на километр. Как поедem? Одному Богу известно.

Выезжаем с лесополки. Поле открытое, мы со своим стареньким, урчащим как стадо бизонов, «Уралом» без РЭБов, защиты, едем на свой страх и риск по колдобинам. Снег скрипит, мотор тарахтит, вибрация от машины пробирает до позвоночника. Каждая кочка отдается в почках. Один на один с опасностью под зорким взглядом луны.

И тут — вспышка! Бахнуло так, что стекла посыпались, а мы на секунду оглохли и потеряли ориентиры. Первая мысль, как пришел в себя: «Мина? Откуда тут?» Оказалось — дрон. Лобовое стекло в паутине, дед рулит, словно ничего не случилось, а у меня сердце колотится как бешеное. Ору, чтобы перекричать мотор:

— Дед, газу!!!

Рация пляшет в руках, но докладываю: «Попали под удар!» Командир в ответку: «Разворачивайся!» Но развернуться на открытом поле при луне и в такой тряске — верная смерть всем троим и машине, да и ребятам надо довести боекомплекты кровь из носу.

Вижу — откуда ни возьмись второй дрон разворачивается прямо на нас. Машину трясет, дыхание снова перехватывает. Дед зигзагами кидается по полю, дрон не может поймать цель. Кричит нам, на полном ходу играя в пятнашки:

— Прыгай, пацаны, в кусты!

— Куда тут прыгать, голое поле вокруг!

— Все погибнем, если останемся. Прыгайте, еб вашу мать!

Смотрю — жалкий куст тонких веток, но укрыться для стрельбы можно. Решаемся: на счет «три» — вон из «Урала».

Дед резко по тормозам, дверь открыта, меня выкидывает из кабины. Автомат падает в жалкий сугроб, рация улетает в сторону, сам падаю кубарем в снег. Лежу, дыхание сбилось, снег подо мной начинает быстро таять — идеальная мишень для тепловизора. Шмон через меня перепрыгивает и мчит в кусты.

Осторожно поднимаю голову — дрон прямо надо мной висит, мотор гудит, винты вращаются. В мгновение ока выделяется пот и холодной, как рука смерти, струйкой катится за шиворот. Накрываю голову руками, мысли бешено скачут: «Все, сейчас конец. Хоть бы голову не разнесло по полю, и на том спасибо...»

И вдруг — тишина. Все словно замерло, заморозилось в одном мгновении, остановился кадр из кино моей жизни. Не вижу, а скорее шестым чувством ощущаю, что сверху меня будто кто-то крыльями накрыл. Взрыва нет. Дрон зависает, мечется, но не атакует. Словно я попал в замедленную съемку и все предметы и явления вокруг еле шевелятся: ночь отсчитывает минуты, свет луны струится медленно, металлический запах «Урала» едва касается ноздрей, лопасти тре-

щат, пропуская такт. И только моя тихая молитва звучит саундтреком и эхом отражается от спасительных крыльев.

Внезапно дрон рванул за машиной. Деревня впереди — пустая, только остовы домов да обгоревшие деревья. Очуливаюсь, встаю, кричу Шмону бежать и устремляюсь за «Уралом»: его, удаляющегося, едва видно.

Прогремел второй взрыв. Думаю, хана Деду. Но машина мчится вперед под смертельный шелест дрона. Бегу за «Уралом», рация разрывается от криков «доложи обстановку!», как будто мне есть время докладывать. Пытаюсь вызвать Деда — тишина.

Слева с жужжанием проносится третий дрон. Без надежды быть услышанным, ору в рацию: «Дед, слева!» — и мчу по полю вдогонку за машиной. В этот момент третий удар — земля содрогается, снег попеременно с землей взлетает клубами.

Подбегаю, боюсь обнаружить развороченный взрывом труп Деда. А он стоит, курит как ни в чем не бывало, машина раскурочена, стекол нет, но цела. Все живы, и это повод пока выдохнуть и продолжить выполнение задачи.

— Ну что, командир, едем дальше?

— А какие варианты?

— На подножку вставляйте, глядишь, доедем.

Добрались до «передка», разгрузились, попили кофе, покурили, пошутили по-черному. Ребята уже наслышаны про наши приключения, хлопают по плечу, желают доехать с ми-

ром. А нам и правда пора было возвращаться: снова прыгаем на подножки, мчим по той же дороге, по-прежнему на пике адреналина.

В ту ночь я впервые за долгое время вспомнил о Боге. Лежал на поле, на ладонях у смерти и выжил. Может, привиделось, может, нет, но от дрона меня укрыли крылья белого ангела. Такого, как описывают в книжках про войну. Надо же, никогда не думал, что и мне придется с ним познакомиться.

А утром на крыше кабины увидели вмятину — аккурат в форме банки пива. Удар был, но, видимо, не сработал, снаряд отскочил и сохранил нам жизни.

Спасибо ангелу, я остался жив, чтобы написать эти строки — удивительные приключения Большена. Большен — это я, Олег Большаков, автор всего, что вы прочитаете дальше.

Как я появился на свет

Двадцать шестое декабря. Небольшой городок Семенов в Нижегородской области. Минус сорок пять. Мороз такой, что деревья трещали — по ночам было слышно, как у избы бревно хрустит, словно кто-то вырвался из сказки и ходит за воротами, пугает ребятню. В этот день мать меня и родила — семимесячным. Маленький, синий, ни волос, ни ногтей — больше походил на недопаренного цыпленка, чем на человека.

Привезли кое-как домой. За городом зима суровее: дороги заметены, электричество моргает, и потому печь — центр вселенной. Кулек развернули, и старшая сестра недоверчиво заглянула в пеленки:

— Мам, а это кто?

И действительно, кто? Комочек, да и только.

Чтобы не замерз, положили меня на печь в коробку из-под игрушек, набитую ватой. Тогда ведь так и жили: что под рукой — то и в деле, без всяких приспособлений из «Детского мира». Смешно, а по сути — мой первый «инкубатор» в добротном деревянном доме, который дед срубил сам.

Дед подошел — серьезный, морской волк, воевал еще на флоте в Великую Отечественную. Настоящий командир даже в мирной жизни. Говорит:

— Ну что, как назовете?

Отец сразу:

— Димкой давай.

А дед, бурча себе под нос, свернул сигарку и как отрезал:

— Димкой назовете — сами кочегарку топите, я не стану.

Замерзнет к чертовой матери!

Почему так? Да потому что в деревне, где родился дед, жил Дима-дурачок. И он категорически не хотел каждый день глядеть на внука и думать: а не дебил ли часом под боком растет? Имя выбирали, чтобы не по святцам и не по желанию, а по деревенской логике: не сглазить, не накликать беду на маленького человечка.

Так появился на свет я, Олег Большаков, Большен, подполковник Российской Армии и ваш покорный слуга.

Как ни странно, я выкарабкался и рос крепким: то ли печка помогла, то ли материнская любовь и дедовы присказки. Мать потом говорила: «Ты у меня вообще не болел! Читать начал рано, говорить тоже, стихи тараторил — похлеще Маяковского!» Только вот в садик вести меня боялась, потому что я осыпал других детей таким матом, что воспитательницы уши закрывали. Шебутной был, заводной, да сейчас не сильно что изменилось.

В три года мог выскочить во двор, залезть на земляную кучу, приставить руку к голове и гаркнуть:

— Служу Советскому Союзу!

И смех и грех. Но уже тогда было видно: выживший недоношенный с неумным характером и пламенным сердцем тя-

нется к военному делу. Вот откуда пошла моя закалка — из той коробки с ватой на печке, из мороза в сорок пять, из родного дома, где люди жили по-простому, по-человечески, да по наитию.

Денди

В те не слишком сытые годы мы жили просто, без излишеств — игрушек было мало, развлечений тоже, зато фантазии — хоть отбавляй. Все, что намечтали, приходилось делать или доставать самостоятельно. Заливали каток на болоте, играли в казаки-разбойники за старыми амбарами, мастерили бомбы, кидались помидорами в проходящие машины, заваливали дорогу. Эх, уши бы нам надрать тогда!

Ни у кого из нас не было богатых родителей — зато была смекалка, упрямство и вечное желание доказать, что если сильно хочется, то можно. Когда в стране появилась приставка Dendy, это было как окно в другой мир. На базаре висели плакаты с Марио и черепашками-ниндзя, по телевизору крутили рекламу — космос, цвет, скорость! Но цена... Сто пятьдесят рублей. Для нас это были буквально космические деньги. Родители сразу четко обозначили:

— Ерунда, глаза посадите, телевизор сожжете, — и разговор был окончен.

Но пацаны, если честно, не умеют сдаваться. Мы с Лехой и Дэном собрались на лавке за домом и на пацанском совете решили: если взрослые не могут, значит, заработаем сами. Нам по двенадцать, максимум по тринадцать лет, но в голове уже жила какая-то взрослая логика — «надо достать».

Проснулись в четыре утра. Росой пахнет, солнце только

встает, глаза едва продрали — идем за черникой в лес. Набрали полные корзины, как муравьи-трудяги, тащим их на станцию, потом электричкой — в Нижний, на базар. Там весело: шум, гам, запах пирожков, толкотня, и мы, трое деревенских пацанов среди взрослых торговцев. Сели, расставили стаканы, стали продавать чернику по рублю за порцию. Люди подходили, улыбались, кто-то специально переплачивал, кто-то спрашивал: «Ребят, зачем вам столько денег?» — а мы только переглядывались: про Dendy никому не говорили, чтобы не сглазить.

К обеду продали почти все, и тут подошла женщина:
— Давайте оптом заберу, — говорит.

А мы стоим, считаем на пальцах: «Если по стаканам продавать, выйдет больше». Но потом переглянулись — устали, ноги гудят, черника в корзинах подтаивает. Продали ей все разом и побежали, не чувствуя земли под ногами.

Через час мы уже стояли у ларька. За стеклом — она, заветная Dendy! Сдачи почти не осталось — хватило на пару кассет. Распределили так: каждый играет один день, дальше передает другому, тот — третьему и так по кругу. Родители, конечно, ворчали, ругались, когда мы ночами проглядывали глаза в новомодный гаджет. Но в глубине души, кажется, гордились.

Эти сто пятьдесят рублей были нашими первыми настоящими деньгами, заработанными собственными руками. Мы поняли, что если хочешь — можно. Не ждешь, не выпрашиваешь, не воруешь, а идешь и делаешь. Мы и дальше продолжали добывать нехитрую денежку: собирали почки, меняли их на газеты, рубили молодой березняк, снимали кору и сдавали в лесхоз. Крутились как могли, лишь бы не просить деньги у родителей. Урок пятый: даже пацаны из барачков могут сами «достать» до мечты, если не боятся вымазаться черничным соком и часами ползать на карачках по лесу.

Бомба

В 80–90-е годы мы росли во дворе — сорная трава перестройки. Никто за нами не следил, в деревне — и подавно. Отец только постоянно напутствовал: на рыбалку пойдешь, когда плавать научишься. Я и учился, в жизни ведь пригодится. Но как же удержаться, когда ребята поехали рыбу глушить на дальний пляж?

Детство тогда было совсем другое. Телевизор и магнитофон в домах — уже не редкость, потому не так интересно. Зато улица — целый мир. Мы все время на воздухе: то в футбол с утра до темноты, то в «войнушку», то на речке. Гоняли на великах, а кто покруче — уже на мопеде. И все сами. Захотелось удочку — режь орешник, ножом кору зачисти, леску намотай. Захотел бомбу — да без проблем: из сифонов баллончики повытряхивали, бумагу с селитрой намотали — и готов заряд. Никто нас этому не учил, сами доходили.

Вот так однажды поехали мы втроем на рыбалку втихую: я, Боб и Карась. Мне лет тринадцать, им — по шестнадцать. Уже взрослые по тем временам, с сигаретами и на мопедах. Боб ехал на самосборе из двухдохлых мотоциклов, а Карась на «Карпатах», ревели они оба, как подбитый танк. Я же был мелкий, поэтому мне досталась «Рига-13» — педдали крутить надо, пока заведешь. Но зато свой транспорт, гордость невероятная.

От поселка километров двадцать отмахали, пока до речки добрались. Лес шумит, комары роем, трава по пояс, вода темная, тихая. Красота! Закинули удочки, но терпеть у нас не получалось — скучно. Достали наши примитивные, но рабочие бомбочки. Палку сломали, к ней леску, на конце баночка. Фитиль из пасты, бумага селитровая, чиркнули спичкой. Кидаем — «бум!». Рыба пузом вверх, всплыла. Радость пацанская не знала границ. Это вам не сидеть полдня за поплавком следить. Добытки!

Второй заряд готовим. Мне, как младшему, велели пока удочки проверить. Я и пошел вдоль берега, бубню что-то, думаю про себя: «Вот батя охренеет, когда я целый таз рыбы притащу!» Вдруг сзади такой взрыв, что уши заложило. Оборачиваюсь — Карась стоит бледный, за руку держится, а из-под пальцев кровь хлещет. Подбегаю — у него половины кисти нет. Пальцы к чертям оторвало.

Шок? Да какой там шок — мы за секунду сообразили, что делать. Сорвали майки, как могли скрутили в жгуты, перетянули руку, чтобы кровь остановить. Это сейчас говорят «де-ти гаджетов», а тогда каждый знал: порезался — накинь земли или приложи дорожник, сломал ногу — шину сооруди и только тогда беги за помощью. Жизнь не прощала инфантильности.

Боб подхватил Карася, посадил на свой мотоцикл и рванул в сторону поселка. А я остался один. Рыба, удочки, рюкзак — все сложил, а мой «конь», зараза, не заводится. Пы-

таюсь завести с толкача — ноль реакции. Смотрю на реку, на следы крови в траве и думаю: «Ну все, батя убьет. Мало того, что пацана чуть инвалидом не сделал, так еще и мопед загубил, и без спроса сбежал».

Ташу мотоцикл почти на себе, снасти болтаются рядом. Километры тянутся вечностью. Смотрю, Боб возвращается. «Че тащишь его? — орет. — Завести не можешь?» Я кисло мотаю головой. Два пинка, и завелись, поехали. А ведь у нас все так было: сломалось — не папку зови, а ключ неси, разберемся.

Серегу (Карася) уже увезли на операцию. Пальцы, конечно, не пришить. И тут случился момент, который я запомнил на всю жизнь. Его отец, мужик суровый, сказал: «Дураки вы все. Мой сын теперь в армию не пойдет». Не то что пальцев жалко, не то что работать труднее станет — нет! Боль его была в другом: сын без армии, как будто без будущего. Словно мужика из него вытащили и обрекли на судьбу безрадостную, женскую что ли. Эх, пацаны глупые!

Я тогда еще мал был, но внутри что-то перевернулось. Мы, дети восьмидесятых, знали цену вещам: мопеду, удочке, даже рубаше. Но главная ценность была в том, чтобы держать удар. Пусть пальцев нет, пусть больно, пусть страшно — но главное, чтобы не пропала мечта, чтобы не списали со счетов и честь не замарали.

А батя меня не наказал тогда. Я, кажется, и без слов все понял. На всю жизнь запомнил. Что поделать, мальчишки и

в шестьдесят лет мальчишки.

Дворовые «экзамены»

Есть у каждого подростка своя экзаменационная комиссия — не секретариат и не ученый совет, а уличная жизнь: прогулы, драки, первые пьянки, выяснения отношений, защита личных границ и еще детсадовские по сути выходки шалопаев. Вот несколько историй из моей уже подростковой жизни.

Наврал, выпил, домой

Нам по шестнадцать, кровь кипит, гормон играет. Дискотеку в клубе отменили, но нашим жизненным планам это не помешало — собрались в комнатке, выпили по первой, ставим водку на подоконник и выглядим серьезнее, чем есть. Внезапно — патруль. Была раньше такая практика проверять по домам, не дебоширит ли кто, не распивает ли спиртные напитки без присмотра.

Я стою, прикрываю бутылку, как главную ценность вечеринки.

— Иди сюда.

— Не пойду.

— Как зовут? Когда родился? — спрашивают под протокол.

— 32 декабря, — отвечаю и едва удерживаюсь от смеха.

Меня спокойно сажают в уазик и везут в отделение, собираются оформлять в вытрезвитель. Я упрямлюсь: «Не поеду». Пока подписываю протокол, ручка рвет бумагу — вот повезло.

— Дайте хоть позвонить, — говорю. — У меня дядя — начальник милиции города.

— Он что, твой дядя? — хмыкнули.

Слышу, ушли звонить, проверять: «Виктор Степаныч, тут ваш племяш». А оттуда резкое рывканье:

— Везите домой дурака!

Привезли меня с мигалками к родителям, отдали маме и папе на руки. Лучше бы оставили в обезьяннике, честное слово, потому что отец тогда не поскупился на воспитательный процесс. Сначала он предпринял попытку объяснить выпившему подростку, что он, то есть я, еще сосунок вино пить, а туда же лезу. Ретивое взыграло, подогретое алкоголем, и я выпалил: «Я уже взрослый!» Зря.

Папа вломил нехилого леща, так что я кубарем скатился к дивану, а наряд милиции отправил дальше патрулировать ночь со словами «спасибо, ребята». Экзамен «ты уже не мальчик, но еще не мужчина» принят. И грустно, и смешно.

Рубильник счастья

Мы с Лехой, моим лучшим другом, были парни не про-

мах. Как-то зашли в соседнюю деревню к пацанам и девчонкам, пару бутылок посидели, но до полного веселья не дотянули — надо было возвращаться, чтобы «догнаться» по-честному. Пару километров до дома — ерунда, смотаемся за полчаса. Но дома нас ждал другой расклад: мамы видят, что мы выпившие, не хотят дальше отпускать к приключениям. Да и история с отцовским лещом еще побаливала в затылке. А вожжа под хвостом так и пляшет, не дает уговорить. Моя-то мама еще ничего, просто причитает, поучает, а Лехина — слышу через стенку — лютует не по-детски. Надо Леху вызволять и бежать, девчонки-то ждут.

И тут включается план «электрик-шалопай». Я убалтываю маму, что пойду курить, и надеваю старый тулуп и валенки. Бдительность усыплена: куда я, такой красавчик, сбегу? Эх, мамочка, знала бы ты! Стою, курю, мозгую, что бы такое придумать, чтобы улизнуть вместе с Лехой.

И тут на глаза попадается рубильник. Недолго думая, вырубая свет во всем доме — классика жанра. Стучу соседям:

— Тетя Люда, у вас тоже света нет?

— Нет. Странно, я в окно смотрела, в других домах есть.

— Надо чинить, искать проблему. Вероятно, пробки.

— Леш, бери фонарик, идите с Олегом, проверьте.

А Леха в темноте сигнализирует мне: «В углу самогон стоит». Понял. Берем фонарик, тихой сапой вытаскиваем бутыл — и как сиганули к девчонкам в соседнюю деревню! Тулуп, не тулуп, и валенки нам не помешали.

Дома вместо скандала нас ждали аплодисменты: «Идиоты, до чего додумались!» А нам чего — как с гуся вода. Вечер-то прошел как по маслу.

Кроссовки преткновения

Я уже подросток и встречался с девушкой. Поссорились, только дым коромыслом стоял. Расстроился, домой пришел навеселе. Мама поворчала, отстала, решила поумничать и наказать меня: спрятала мои кроссовки. А у меня их одна пара и была всего. Мол, у отца сорок четвертый, у меня сорок первый — не пойду же я дальше гульбанить в калошах! А мне лет 17, меня разве остановят такие мелочи?

Надеваю папины, топаю на дискотеку. Выхожу под утро — один как перст — засыпаю на крылечке, разморило на солнышке. И тут кто-то дергает с меня кроссовки и убегает. Мчу за ним босиком, сильно отстаю, но смекаю: бежит в соседнюю деревню. Хорошо хоть, запомнил затылок и одежду. Возвращаюсь к ребятам, а они обсуждают как раз вечернюю дискотеку.

— Олег, ты чего босиком?

— Какой-то придурак стащил кроссовки.

— Кто посмел?

— Да вон, улепетывал в ту сторону, — показываю рукой в направлении исчезнувших кроссовок.

И тут рождается план восстановления «обувной справед-

ливости». Мы разработали целую стратегию: от вторжения до аннексии территорий (ну, кроссовок). Прыгнули в машину, помчались. Залетаем в деревню, сидят пацаны-девчонки, семечки грызут.

— Кто вчера кроссовки скоммуниздил?

Ребята переглянулись — никого, мол, вчера в ваши края не отправляли. Спрашивают описание вора. Так и так, все пояснил. И тут один пацанчик вспомнил:

— Похоже, это Федор. Ну помните, к бабке который летом приезжает и сидит филином-одиночкой все лето?

— А где этот ваш филин живет?

Нагрянули в дом, а там не парень этот, а брат его в шахматы играет. Хватаю доску — а она полнехонька шприцев с наркотой. Этого еще в наших краях не хватало!

Делать нечего — забираем доску, пробиваем парню профилактический в грудак:

— Брат вернется, пусть кроссовки везет, а иначе...

Через пару дней странный Федор привозит все обратно с ящиком пива и извинениями, умоляет: «Верните нам доску». Но тут уже пошло дело на принцип: наркотики нам тут не нужны, и мы защищаем свою деревню крепко.

— Увидим эту доску еще раз — будет хуже, усек?

Так мы восстановили справедливость и вернули мои несчастные кроссовки. А мама только удивлялась: ничего этому Олегу запретить нельзя!

Все эти истории — наша летопись, маленькие уроки боль-

шой жизни с привкусом того времени. Ни одна школа не преподает тебе эти науки, такие экзамены принимает улица, и оценки у нее — похлеще батиного леща.

Операция «Проводы» и другие приключения Олега

Незаметно пробежали школьные годы чудесные, пришло время разъезжаться по учебным заведениям, что не могло не радовать. Мы уже взрослые, самостоятельные, можем принимать решения! Так думали мы. А по факту... Балбесы балбесами с ветром в голове и планами покорить весь мир.

Сначала друга Леху определили в мореходку, за ним и меня — в военное училище в Перми. Просто пристроили, чтобы я по кривой дорожке не пошел, да мозги свои к делу применил.

Провожали как-то Леху из отпуска в речное училище всей честной компанией — типичная история в то время. Кто-то плакал, кто-то обнимался, кто-то вполне открыто наливал в пластиковые стаканчики нехитрое вино. До Нижнего добрались, суд да дело, посадили Леху, платочками помахали, пора и честь знать.

Смотрим — а денег-то кот наплакал, на пару билетов на электричку, а нас существенно больше. Где наша не пропадала — прорвемся! Это были времена, когда «зайцем» ездили чаще, чем с билетами. Все так делали, и зазорным такая практика не считалась. Главное — вовремя всполошиться и убегать от патруля дальше по вагонам. А там — авось доберемся. Так и сделали.

Ехали чуть ли не предпоследней электричкой, расселись кто куда, сидим, балагурим. Ехать-то всего час. Полпути проскочили — и, как назло, на тебе: контроль. Народ безбилетный бежит, перескакивает между вагонами, прячется. А мы прозевали.

Контролер подошел и давай требовать билеты. А я сижу, значит, с двумя девчонками. У них — никаких билетов. Ленка кое-как наскребла, оплатила штраф. У Оксаны в карманах пусто, только скомканная салфетка со слезами. У меня же всегда при себе старина-военник. Контролеры обычно благосклонны к военным, терпят таких «зайцев».

— Ребят, мы друга провожали, не подрастчитали, простите.

— Нет, платите штраф или вон из электрички.

— Ладно, пес с вами: пусть Оксана едет по моему военнику, а я выйду на следующей станции, — благородство открылось во мне так же внезапно, как появился контроль.

Ребята в ступоре, но согласились. И идут со мной до выхода, как будто боятся, что я вдруг передумаю выходить.

Останавливается электричка. Меня вежливо, но решительно высаживают. Парень рядом сигнализирует руками:

— Беги скорее, успеешь в последний вагон!

— Да ну их, принципиальных. Поеду на следующей.

Стою я на перроне — зима, темно, ветер такой, что вороны назад летят. Достоинство — это, конечно, прекрасно, но мороз — вещь неумолимая, пробирает так, что кажется, отдал бы сейчас все, чтобы оказаться дома у печки.

Осмотрел я окрестности. На той стороне перрона какой-то домик-будка. Думаю, пойду узнаю, где вокзал. Перекинулся через пути, в темноте да снежном буране разглядел — а там и нет никакого вокзала, просто станция в виде будки. Девчонки стоят, курят как ни в чем не бывало, смотрят на меня, словно я рояль, выскочивший из снежных кустов.

— Ты чего? Откуда занесло?

— Да вот, так получилось. А где вокзал-то?

— Нет никакого вокзала. Если ехать надо, жди следующую электричку. Через час.

А я уже синий, инеем покрываюсь, ног давно не чувствую, руки начинают отниматься. Девчонки сердобольные, сжалились, вытащили бутылочку вина, угостили, чтобы отогреть хоть малую часть меня.

— А пошли-ка с нами на дискотеку?

— Да у меня же денег нет!

— Да пошли, заплатим! — неудобно, но и замерзнуть на смерть до электрички — так себе сценарий. Отправились.

Зашли мы на дискотеку, где собирались ребята и девчата с окрестных деревень и поселков. После вина и свежего морозца мне стало так тепло, что я сразу почувствовал прилив сил, азарт и превратился в заводилу: начал танцевать, заводил толпу, изображать из себя короля танцпола, что, без ложной скромности, мне хорошо удавалось.

Поначалу все шло гладко: кручу, верчу, девчата вокруг, музыка бьет по ушам. А потом — началось: подошли двое прощупать почву конфликта, мол «что за залетный ферзь?» Как это у нас бывает, решают отжать роль главного и показать, кто тут лимита и «понаехал». Я ничего не сделал плохого, просто вокруг меня естественным образом образовалась толпа девчонок и зажигала от души.

Дело запахло керосином, когда вся бычья стая, раздувая ноздри, почти ринулась в бой. Ну, думаю, хана тебе, Олег. Допрыгался, Эминем недоделанный. Но в этот раз девчонки удивили: встают стеной, визжат, матерят соперников, готовы броситься на защиту своего вожака, только щелкни пальцами. Ситуация патовая: я в шоке, готов в рукопашную; быки в недоумении, что девчонки так среагировали. А девчонки разъярились, уже свою темную сторону из-под модных платьев выпустили. Музыку, конечно, выключили, свет зажгли, все замерли — картина маслом.

Драки, конечно, не случилось, все стороны полюбов-

но решили не приукрашивать свои физиономии отпечатками деревенской дискотеки. Мы вышли и толпой двинулись на станцию. Сел я в электричку и, разморенный, заснул. Проснулся на станции Керженец, 40 километров от дома. Темно, холодно, таксисты дежурят по залетным гостям.

— Сколько до Семенова?

— Полторы тыщи.

— Перебор.

Стою, голову замерзшей рукой почесываю. Через лес идти — волков не избежать. Оставалось брести обратно в электричку, замерзать там до утра и передремывать до своей станции. А еще от вокзала сорок минут до дома пилить. Ног не чувствую, сил никаких нет, глаза слипаются. Думал, тут и упаду в сугроб как сонная муха, не дойду до дома.

Кое-как добрался домой — усталый, вымотанный, продрогший. Прихожу, стучу в дверь — ноль реакций. А время уже полшестого утра. Куда все подевались в такую рань? Голова уже не соображает, как домой попасть. Вспомнил, что в зале никогда форточку не закрываем: мало ли что. Да и с сестрой у нас уговор — помогать друг другу, держать форточку открытой, прикрывая от гнева родителей, когда поздно возвращаемся домой. Смотрю, и сегодня сестра меня не подвела.

Разделся, полез в окно. Упражнялся минут десять: надо было и одежду и себя затащить, в форточке не застрять и на полпути не замерзнуть. На последнем издыхании падаю в

постель и забываюсь мертвецким сном.

Просыпаюсь утром — мать с отцом над головой благим матом меня чистят: «Ты как домой попал, гад?!» Мама в истерике: «Мы думали, убили тебя!» Оказывается, друзья, не дождавшись меня со следующей электрички, пошли искать везде: заглянули под вагоны, искали на остановках, звонили, заходили ко всем, кто мог быть в курсе. Долго не хотели родителей будить, да разве такое утаишь!

Подняли на ноги всех знакомых: ищем Олега. А тот Олег зажигал на дискотеке и чуть не нарвался на неприятности, чуть не замерз в электричке и почти остался ночевать под дверями подъезда. Это сейчас по телефону мы можем кого угодно где угодно разыскать. А тогда... Эх, были времена, когда твою бестолковую голову бежали вызволять всем поселком.

Сестра, я вернулся живой

О своей семье трудно говорить целенаправленно. Как это — рассказать, как любишь своих близких? Беспричинно, бессознательно, навсегда. Что тут еще скажешь? Начну, пожалуй, с сестры, потому что ее преданность и любовь синим платочком сопровождали меня и в детстве, и дальше во взрослой жизни.

Люблю я ее по-своему: без громких слов и высокопарных выражений. Мы никогда не были из тех, кто обнимается по поводу и без. Но связь наша — крепче многих клятв.

Она старше меня на шесть лет. Для ребенка это целая эпоха. Когда я был мелким, она со мной возилась как вторая мама: подкидывала на руках, катала на спине, делала мостик, учила кувыркаться, баловалась. Мы танцевали под магнитофон, смеялись, она строила из себя строгую воспитательницу, а я все равно лез к ней.

Потом появились мальчики, и я резко отошел на второй план.

— Отойди, салага, мне некогда!

Я сразу бросался в драку, а мама только вздыхала:

— Что у меня за дети, как кошка с собакой!

Мы дрались всерьез, и чаще всего сестра побеждала — опыта больше. Я бежал к маме с соплями и жалобами, а отец перехватывал меня на бегу и вместо сочувствия добавлял

ремня.

Перелом случился, когда я подросток и начал заниматься спортом и показывать первые результаты ГПО физо. Однажды по старой привычке сестра набросилась на меня, решила «повоспитывать». Я подхватил ее на руки и аккуратно бросил на диван. Она смотрит округлившимися глазами:

— А чо это?

— Ничо, — отвечаю. — Братик вырос.

С того дня драки закончились и уступили место уважению. Когда я задерживался допоздна, она тихонько открывала дверь, чтобы родители не услышали. Я делал то же самое для нее. Мы стали союзниками и только-только открывали для себя братско-сестринскую любовь.

Когда я поступил в военное училище, денег не было. А сестра уже взрослая, замужем, работает. Я кланчил у нее деньги, но она всегда держалась строго: лишнего не даст. Один раз уговорил на пиджак — френч со стойкой. Поехали в Нижний, купили. Я в нем чувствовал себя почти офицером. Мы шли домой пешком, разговаривали, и она улыбалась: знала, что деньги потрачены не впустую.

Помню случай с бабушкиным самогоном. Перед смертью бабушка сказала: в дровах спрятаны две трехлитровые банки — на поминки. Похороны прошли, про самогон забыли. Да тем более дровяников этих у нас — целая куча. Поди знай, куда там бабушка свой ценный груз спрятала.

Как принялись искать, распотрошили все дровяники. Ничего. Отец махнул рукой:

— Ну ее, к праотцам. Раз уж выволокли, давайте переложим дрова по-другому, — распорядился отец и ушел.

Мы с сестрой уныло таскали поленья, и вдруг — грохот, поленища осыпалась, а под ней две банки чистого как слеза самогона. Мы переглянулись, мол, хорошо, что мы нашли. Сейчас как отольем себе по шкалику — надолго хватит. Никто же не знает, сколько самогона в банке было...

Было, да сплыло. Пока мы рядились, где взять тару для перелива, отец сзади подкрался и как гаркнет:

— А чо притихли? О, молодцы, нашли бабушкин самогон.

Пролетели мы с сестрой, как фанера над Парижем. Зато в очередной раз убедились, что ближе нас друг у друга никого нет.

Много лет спустя, каждый раз отправляя меня в горячую точку или на войну, она будет говорить мне одну и ту же фразу:

— Возвращайся живой.

Эту мантру я понесу с собой на поле боя. Эту молитву и напутствие я буду помнить, когда буду выходить с передовой и звонить домой — сначала сестре, а уже потом родителям. И я знаю: если что — она будет стоять за меня горой, она сгладит углы, но она же пойдет со мной петь в караоке и танцевать, словно в последний раз.

Печатка

Леха — друг мой — поступил в мореходку. Тоже специальность военная, но моряков почему-то любят больше, их уважают, не то что нас, пехоту. Соответственно, девчонки облепляли его еще на подходе к дискотекам и барам, вместе с приключениями, правда.

В свой первый отпуск мы прибыли оба одновременно: денег по нулям, а боевой задор и молодая кровь так и манят веселиться. На учебе мы как-то негласно сговорились жить «на свои»: стыдно у родителей денег просить двум здоровым лбам.

И вот утром прибегает ко мне Леха с глазами, как у мальчишки, которому выдали талоны на сладости со всей деревни.

— Олег, я нашел печатку — болт конкретный, с биркой, с пробой.

Я надеваю — вроде, приличный экземпляр. Снимаю, а там след зеленый — не похоже на золото, сразу фальшивка выдает себя.

— Да нет, золото это, вон же бирка, — утверждает счастливый Леха, сейчас сдадим и куролесить помчимся.

— Ты где ее нашел? Дома? Разве можно у матери брать?

— Не ссы, она в такой дали лежала, что мать уже сто лет про нее забыла.

— Ох, помяни мое слово: достанется тебе на орехи, моряк
— с печки бряк.

Накаркал. Едем на вокзал, находим дельцов, сдаем печатку, деньги жгут карман. Триста на двоих, может, больше — не помню. Прогуляли все за пару дней: пиво, девчонки, дискотеки — дело нехитрое. Деньги тают быстрее весеннего снега, когда ты молод, горяч и только вернулся после полу-года строевой и зеленых мундиров.

Наступила очередная суббота — дискотека в деревне, мы «добивали» последние рубли с печатки. Мы уже хмельные, девчонки веселые, а музыка нас что-то не заводит. Зато Леха способен завести любой праздник и устроить приключения.

— Олег, сгоняй ко мне домой. Там мать, кассеты мои даст. Я не могу сам, тут Ленку обработать надо, сам понимаешь.

Ладно, чего не сделаешь для друга. Приезжаю к подъезду его дома, захожу; со второго этажа от Лехиной квартиры спускаются двое крепких ребят.

— Пацаны, вы к Лехе?

— Да, а ты кто?

— Я друг его.

— А ты какой друг?

— Самый настоящий.

— Значит, в курсе про печатку.

— Получается так...

— Пакуйся, дело есть к Лехе.

Садимся в «семерку», и я уже понимаю, что привело их

темным вечером к Лехиной квартире. В машине среди запаха перегара различаю голос с заднего сиденья:

— Представляешь, что вы сделали? Вы нас кинули. Вы нам должны.

— Вы про печатку, пацаны? Я так и понял...

— Попадос на бабки: вернете наше и сверху накинете. Иначе крышка.

— А давайте так, — говорю я, чтобы хоть как-то сбить градус, — я никуда не поеду и его не сдам. Дайте слово, что не тронете Леху.

Они переглянулись. Один хмыкнул:

— Ты чо, конченный? Мы тут условия ставим. Вези, там посмотрим.

— Не, ребят, я друга не сдам. Пока слово пацанское не дадите, что Лехе ничего не сделаете, не повезу, хоть здесь режьте меня.

На переднем сиденье сидел взрослый мужик, вполоборота повернулся ко мне и сказал:

— Показывай дорогу, не тронем, обещаю.

Приехали на дискотеку, я разыскал Леху и описал ему ситуацию. Мол, надо улаживать конфликт, сами наворотили, самим расхлебывать. У Лехи поджилки трясутся, про Ленку он напрочь забыл. Делать нечего, надо идти, а то дело еще чем похуже кончится. Придется тебе, Большаков, опять все «терки» на себя брать.

Сели в машину, а ребята туфту впаривают: в разы дороже

требуют, чем мы за печатку выручили. Я честно признаюсь, что мы учимся и лишних денег на «сверху» у нас просто-напросто нет. Вернем, что взяли, а остальное — никак.

— Слышь, ты кто вообще такой? Как базаришь?

— Курсант Большаков, а в чем дело?

— Ну-ка выходи, поговорим, — сказал тот взрослый мужик с переднего сиденья, — ты Евгения Ивановича сын, что ли?

— Я, — уверенно отвечаю я, уже понимая, что батина репутация меня из задницы достала. И меня, и Леху.

— Респект бате. Отличный мужик, знал его в прежние времена. Сколько всего пережили, лучше не рассказывать. Придешь домой, передавай ему привет от Михалыча. Ладно, вернете наше, плюс 10 % сверху. По рукам?

Договорились честно, по-мужски. Через пару дней печатку вернули — не в целости и сохранности, но вернули.

Спустя время мы с Лехой разъезжались по учебкам. Чтобы вернуть деньги, назначили встречу как раз на вокзале. Я не знал, что отец захочет поехать провожать меня. Ну, думаю, не избежать мне прощальных тумачков, когда отец увидит старого знакомого. Но все обошлось: деньги я передал незаметно, а отец и Михалыч — тот мужчина с переднего сиденья — обнимались-братались. Михалыч ни взглядом не подал виду, что знает меня.

Деньги мы отдали, и дело уладилось. А отцу я ничего не сказал. Узнал бы, в какие я передраги вписался, башку бы

мне снес. От сердца отлегло, но я тогда понял, что вдали от дома отцовская репутация больше не будет выручать меня из каждой передрыги. Пора взрослеть.

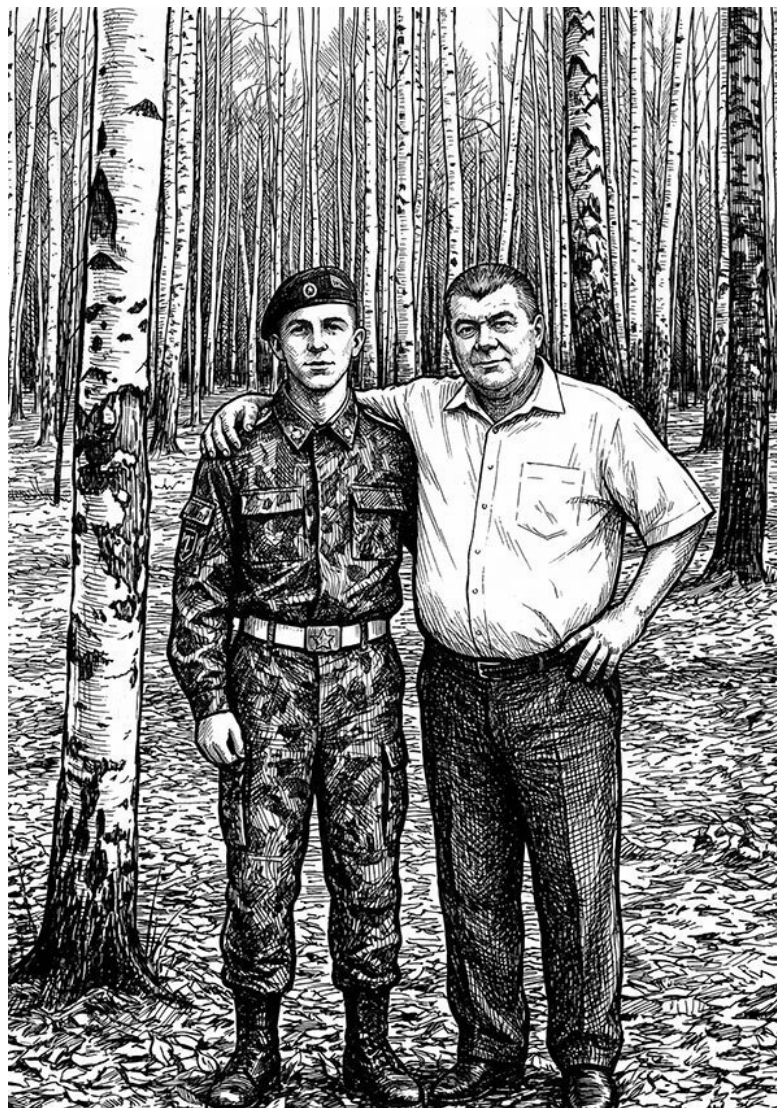
Про отца

Если обернуться назад и попытаться сложить воедино всю мою прожитую жизнь — с войной, службой, падениями, удачами, людьми, что приходили, учили меня и уходили, — то в ее центре неизменно встанет один человек. Мой отец. Не потому, что он был строгим, или всесильным, или мудрым. Совсем нет. Он был тем родником, из которого проистекала моя стойкость, моя человечность, моя упрямая мужская честность, мое доверие и вера в людей. Все, что говорил или делал мой отец, потом пригодилось и в армии, и на войне, и в жизни — в той, где иной раз страшнее, чем под обстрелом. Эта глава о нем — о человеке, который сделал меня таким, какой я есть.

В девяностые мне было лет двенадцать или тринадцать. Время было шумное, шевутное, опасное, словно разом отменили все правила и стерли все границы. Кто помнит, тот не романтизирует те непростые времена, как сейчас принято.

Отец в тот день прилег подремать, а я сидел в комнате один, занимался своими подростковыми делами. Вдруг звонок в дверь — резкий, настойчивый. Я выглянул в окно и увидел во дворе две огромные машины, по тем временам прямо как из кино про бандитов — «лексусы», «крузак» и прочие показательные «гробы на колесах». Внутри все обрвалось: «За батей приехали. Убивать».

Открываю дверь. На пороге — трое: плечистые, лысые, в кожанках, быковатые, словно сошли с экранов балабановского «Брата» или «Бумера».

— Привет, малой, — говорят.

— Здравствуйте, — отвечаю еле слышно.

— Батя дома?

— Нету его... — бормочу. — Не знаю, где...

А у самого колени дрожат так, что трудно стоять. И вдруг сзади голос отца:

— Олег, кто там?

Парни сразу переменялись в лице.

— О, он дома же, — говорят. — Здравсьте, Евгений Иванович.

Я вообще ничего не понимаю. Они заходят, мягко отодвигая меня в сторону. Отец выходит навстречу — спокойный, будто и не боится их совсем.

— Вася! — улыбается. — Здорово.

Парни несут в руках пакеты, набитые колбасой, фруктами, мясом, сыром и еще чем-то неизвестным простому человеку в девяностые. Богатство по тем временам неслыханное.

— Мы к вам приехали сказать спасибо, Евгений Иванович, — говорят.

Сели на кухне, налили коньяку. И начали вспоминать, как отец учил их в интернате — физкультуре, дисциплине, мужскому поведению.

— Вы нас, Евгений Иванович, гоняли всегда по делу. Только благодаря вам мы людьми стали.

Посидели минут двадцать, оставили все принесенное добро и уехали. Я стоял посреди коридора и не мог понять: что это было? Только что судьба протащила меня от угрозы быть замоченным бичами до теплых слов в адрес моего бати.

— Папа, кто они?

— Ученики мои, — ответил он просто. — Хорошие ребята.

Меня осенило: если к человеку такие люди возвращаются — значит, он что-то очень правильное сделал в этой жизни. Я так гордился, что меня распирало на части. А отец только ухмылялся.

С детства он вкладывал в меня крепкость и стойкость не приказами, а примером. За домом в нашем дворе стоял турник, высокий, добротный, сваренный какими-то очень пришитыми к месту руками.

Папа поднимал меня к перекладине, и я подтягивался — в четыре года целых пять раз! Мыслимое ли дело! Он хвалил, показывал соседским мужикам: «Смотрите, как Олежка может». Я помню, как грудь расправлялась от этих похвальных речей.

В пять лет я уже отжимался тридцать пять раз, подтягивался десять. Он не принуждал, не кричал, просто делал со мной рядом. И я повторял.

Мама как-то принесла домой кубок — второе место на лыжных соревнованиях среди школ. Мы с ней бежали вместе и едва уступили другой семье. Я тогда был маленький, но

помню, как светилося все внутри.

Отец привил мне любовь к лыжам: в любой мороз я скользил через лес, по сугробам в школу. Не будешь же возиться с лыжами в автобусе.

Старшие ребята уже бегали на пластиковых лыжах, а у меня деревянные. Было стыдно, и я канючил:

— Пап, ну у всех пластиковые...

— Заслужишь — будут пластиковые, — отвечал он, — или сломаешь эти.

Легко сказать, да сложно сделать. Лыжи было жалко, я к ним привык, поэтому просто взять и сломать намеренно не хватало совести. Просто выкинуть — тоже было бы непозволительной роскошью. Поэтому я решал вопрос по-другому: катался с самых крутых горок, выполнял такие фристайлы, что впору было шею сломать. Носился по склонам просто на убой. Слава богу, до убоя не дошло. Лыжи исправно катали меня и совершенно отказывались ломаться по-доброму. Гвозди бы делать из таких лыж.

И вот однажды, придя домой из школы, я заявил:

— Папа, лыжи не ломаются. У меня рука не поднимается их сломать, совесть не позволяет.

Папа похлопал меня по плечу, ничего не сказал, только хитро ухмыльнулся.

Не прошло и недели, ситуация вдруг резко изменилась в мою сторону. Не скрою, я ждал, но все равно сюрприз вышел отменный.

— Я сегодня первый на физкультуре. Физрук похвалил. Даже грамоту, сказал, выпишет.

Мама лукаво улыбнулась, толкнула отца. Тот открыл кладовку, достал новые пластиковые лыжи и протянул мне:

— Заслужил, забирай.

Счастье было такое, которого не купишь нигде и никогда. Это детское чувство восторга от оценки отца и счастливых глаз матери нельзя сейчас раздобыть нигде. Жаль, что тогда я не ценил эти редкие определяющие меня моменты.

Плавать он тоже учил меня по-своему, тяжелой, но крепкой рукой. Сажал на спину, плыли к середине озера. Там отпускал, привязав к животу пенопластовый пояс, и говорил:

— Гребь, сынок, гребь.

Я барахтался, захлебывался, отталкивался от дна, но плыть учился сам, своим телом, своей волей. Пойдешь ко дну, оттуда прыгнешь кверху, снова утягивает вниз, снова борешься — вот такими прыжками и научился. Позже он научил меня плавать брассом и только тогда разрешил одному ходить с пацанами на речку. Радости-то было!

Вот так, легко и незаметно, он закладывал в меня силу, выносливость и привычку не бросать начатое. Что бы ни говорили, советское строгое, порой авторитарное и холодное воспитание давало свои плоды. На том и стоим.

Отец редко был строгим, но строгость его всегда была честной и прямой. Помню один летний случай, я уже был взрослый по своим меркам. По факту — сосунок с невысох-

шим молоком на губах.

Пришло время окучивать картошку (помните такое развлечение всех семей?) — вся семья волей-неволей выходит в поле спозаранок и приступает к благородному крестьянскому труду. А я только под утро домой явился — гулял всю ночь. Лег спать, только глаза закрыл, только в сон провалился — отец будит.

— Я тебя предупреждал. Вставай, айда на картошку, гуляка!

— Батя, давай позже! Я сам все сделаю! Отцепись.

Но он тянет меня на поле. Там жара, комары, работы — отсюда и до следующего понедельника. Я устал, злой, потею, еле тяпку держу. Отец сначала терпел, несколько раз подначил меня «Олег, соберись». Раз, два, три, и тяпка полетела напрямик мне в лоб. Я пригнулся. Орудие труда пролетариата пролетело мимо.

— Ладно, — разозлился отец. — Всем домой, пусть этот архаровец сам разбирается.

Мама с сестрой вздохнули и уныло поплелись домой. В понедельник он ушел на работу, а я собрал пацанов, объяснил все как есть. Притащили магнитофон, пенного напитка, тяпки — и до обеда мы вчетвером окучили все поля.

Отец работал неподалеку на лесопилке и в обед пошел проверить поле. Увидел результат — долго стоял молча. Дома он подошел ко мне, сел рядом на диван, где я развалился, чтобы отдохнуть после бесконечного окучивания картошки:

— Молодец, сынок. Слово свое держишь.

И я понял, что мужчина становится мужчиной не тогда, когда показывает силу, а когда способен исправить ошибку. Хоть и скрывал, но отец сильно гордился мной в тот день. Украдкой шептал матери, что вырастил нормального мужика и переживать за меня не стоит. Хотя мама есть мама: она все равно переживает по сей день.

Но и он, такой сильный, такой разумный, однажды попался на крючок мошенников. Приехал в город менять ваучер (помните такое чудо?), дал его перекупщику на вокзале. Тот ловко пересчитал деньги, сунул отцу в руки — а там оказалось пять рублей вместо тридцати. Ловкость рук и сплошное мошенничество. Отец сразу скис, понял, что попался на удочку «разводил», и по дороге домой пропил эти пять рублей с досады, только и сказал нам потом:

— Ошибся... бывает.

Годы идут, а я все больше понимаю, что отец не просто вырастил меня. Он сделал из меня человека, буквально слепил, создал, изваял, сформировал. Его уроки — без громких слов, без морали, без ремня и шаблонных наставлений — выручали меня потом и на войне, и в армии, и в жизни.

Если он брался за дело, любой знал: дело будет сделано. Даже к военному училищу он готовил меня со всей отдачей, словно сам сдавал вступительные экзамены: гонял меня по пересеченной местности, заставлял отжиматься, подтягиваться, ходить на руках, чтобы не опозорить его честь

учителя физкультуры. А ведь я и так был подтянут и натренирован.

Я знаю: если я чего-то в этом мире и стою, то это на 80 % его заслуга. Его руки поднимали меня на турник.

Его голос и объяснения учили плавать.

Его пример учил держать слово.

Его ошибки — не бояться своих.

Когда я думаю, каким должен быть мужчина, — я думаю о нем. О человеке, который однажды открыл дверь трем лысым великанам и спокойно пустил их в дом. Это, наверное, и есть главная вещь, которую отец оставил мне в наследство: не сила кулака, а сила пламенного увлеченного сердца.

Наиграли

Девяносто девятый год шел своим чередом, мы с ребятами учились от рассвета до заката, грызли гранит военной науки и познавали другие прелести со вкусом кирзового сапога. Нас, курсантов военного училища, тогда отправляли по ближайшим воинским частям — чтобы, значит, посмотрели, как войска живут на самом деле. Не по уставам да книгам и тетрадкам, а в быту, по службе настоящей. Такое короткое погружение, проба пера, военная жизнь без прикрас.

Меня тогда занесло в Москву. Иду по переходу — людской поток, запах пирожков, сквозняки, тощие музыканты в углах пиликают. И вдруг слышу знакомую интонацию, как будто кто-то из прошлого тихо постучал по плечу. Оглядываюсь — стоит Витька, друг мой школьный, сын священника, душа светлая. Руки у него — только музыку из инструмента извлекать, потому и узнал его издалека. Учился он в Гнесинке, скрипач от бога. Не виделись бог знает сколько, и вдруг — такая встреча.

— Олег, стой! — кричит, — Сто лет не виделись, сейчас подзаработаю — и в бар побежим! Подожди тут, чтобы меня никакая шпана не обобрала. Ты в форме, они при тебе не посмеют.

Сын священника — и в бар. Не нам судить, да и повидать старого друга — всегда бальзам на душу. Стою рядом с ним,

как часовой, а Витька выводит свои мелодии — то чардаш, то симфонию какую-то, то что-то свое, душевное. Люди бегут, толпа шумит, но на секунду останавливаются: музыка трогает за самое живое, что ни говори.

Милиция попыталась было пострадать, потребовать, так сказать, оплату за место у кормушки — но мы вежливые, отговорились. Бах Бахом, а языки у нас деревенские, привыкшие «дела решать».

Набрал Витек денег, мы — в кафешку. И на следующий день. И так протекала вся стажировка. А потом Витька вдруг предлагает:

— А давай рванем домой? Хоть на один день!

— Давай. Да денег нет почти.

— Фигня. Доедем.

И ведь правда — доехали. Не сразу, да с приключениями.

Первый перегон: Москва — Владимир. Сели мы в вагон. Народу — тьма, все молчат, смотрят в стекло, будто жизнь их давно не радует, да и погода соответствующая. И тут Витька достает скрипку, подносит ее к плечу — и как заиграет!

Не просто музыку — душу свою из струн выпиликивал. Вагон, который минуту назад был серым и тихим, будто распахнулся навстречу нотам. Люди повернули головы, заулыбались, зааплодировали.

Футляр, как назло, стоит открытый — народ давай деньги кидать. А я стою в форме и краснею кумачом. Что ж это такое — курсант сидит, как шляпер какой в Одессе?

— Витька, заканчивай! — шепчу.

— Да ладно тебе, щас... Товарищи! Я играю для вас бесплатно. Спасибо всем за внимание!

Народ заулыбался еще шире, и дальше мы ехали, всем вагоном дружно разгадывая кроссворд. Как дедки на скамейке в парке: один кричит букву, другой спорит, третий держит газету, четвертый записывает ответ. Возник какой-то человеческий уют, хотя мы все были случайными попутчиками, вовсе не друзьями, которые через несколько минут разойдутся по своим делам, снова погруженные в неутешительные мысли.

Часов двенадцать добирались до Семенова. До того весело, будто и не поезд это был, а маленькое приключение, что и через годы вспоминается с теплотой.

С тех пор я многое видел: и войну, и смерть, и фронтовое братство. Но тот эпизод научил одной простой вещи: человек греет человека своим добром и теплым отношением. Витька бы добавил: «и музыкой».

Пока мы можем улыбаться незнакомцу в вагоне, играть на скрипке просто так, не для денег, делить последний рубль на чай — значит, мы еще люди. И может быть, именно такие маленькие добрые моменты и собирают нас в единый народ — живой, терпеливый, упрямый. И сильными нас делает все не оружие.

Как урны нам увольнение устроили

Подростковые амбиции и игры «на слабо» пережили все дети и все родители. Сейчас уже думаю — насколько мы были дурные, что не думали о последствиях.

Было нам примерно по тринадцать, когда случился спор: «Слабо залезть на сосну и сорвать последнюю ветку? Даю 25 рублей». Для нас в те годы это были огромные деньги! Мы и бумажку-то такую только раз в месяц с полочки у отца в руках видали. Дело верное, можно родителям похвастаться и лепту свою в семейный бюджет внести — и я полез.

Ствол тонкий, верхушка качается, ветки — как удочки, держатся еле-еле. Поднимешься — и все пространство начинает колыхаться прямо под тобой — красота с вершины мира неопишущая, да вот только мысли непраздничные: если упаду — не то что деньги не получу, но и кости собирать некому будет.

Тем не менее дотянулся, отломил веточку, спустился и с гордостью предъявил добычу. Спорщик отошел в сторону, молчал, не хотел платить — и тут вступились старшие ребята: слово дано — слово держится, не по-пацански это — назад сдавать. Где он взял те деньги — теперь уже никто не знает, однако расплатился со мной. Радости было — не унести всемером! Но коленки еще долго потрясывались, а голова кружилась от понимания, что глупость и дурацкий спор

могли привести к трагедии.

Стало это мне уроком? Не в этой жизни. «Блажил» я еще долго, слава богу — всегда успешно.

В курсантские годы увольнение считалось почти праздником. Не так, чтобы полноценный отпуск, — нет, нам такого счастья не давали, — но вырваться на два-три часа на почту или в магазин уже было великим делом. Местных ребят иногда отпускали до утра: родители «забирали и возвращали на место» в положенный срок. А мы, иногородние, жили казармой, режимом, строем. Куда особенно пойдешь, если ночью надо быть на месте?

Как-то командир построил нас рядком и озвучил задачу: — Нужны две урны. Поставим перед казармами, чтобы ни одна бумажка или окурочек на траве не валялись. Найдите, где хотите.

Мы с Толиком, два идиота, кивнули, вызвались задание выполнить. Как-никак почти сутки увольнительной.

— Где возьмете? — спросил командир.

— Найдём, — отчеканили мы с такой уверенностью, будто урны сами собирались к нам в руки прыгать.

Командир махнул рукой:

— Валяйте, только чтоб к утру стояли как штык на построении.

Окрыленные увольнением, понеслись к Толяну домой. Родители его встретили нас тепло, накормили-напоили подомашнему, отпустили гулять восвояси. Мы толком даже не

знали, куда себя деть: столько непривычной свободы оказалось вокруг! Да только эти урны повисли дамокловым мечом над головой.

— Утро вечера мудренее, — решил Толян и лег спать беззаботный, а я всю ночь крутился и думал: где же мы их возьмем, и главное, — зачем мы вообще в это ввязались. Но сам себе быстро ответил: так хотелось в увал, что аж зубы сводило.

С вечера съездили в парк, а там урн — просто завались. Завались-то завались, да они вделаны в асфальт так, что никакими тракторами не достанешь. Постояли, макушку почесали, а толку ноль. Что делать — ума не приложим.

Наутро встали пораньше, пока Толькины родители спали. Вышли покурить на балкон. Глядь, а у подъездов дома красуются расписные свежееустановленные урны. Бери — не хочу. Тут мы и смекнули, как все проверить. Дураки молодые, что с нас взять.

Вызвали такси — старую «Волгу».

— К какому подъезду? — спрашивает таксист.

Мы переглянулись.

— Вон туда, к тому дому отъедьте, пожалуйста. И багажник откройте.

Таксист пожал плечами и поехал дальше, к соседнему подъезду. В это время две бетонные урны, стоявшие как часовые в утренней мгле, встретились с судьбой. Мы как могли изображали важность, но стоило схватить за края урну — не бетонную, но тяжеленную, с мусором, — как все стало ясно.

Мы приснули от смеха, но упорно потащили урну в такси.

Таксист как увидел, вытаращил глаза:

— Вы что делаете, придурки?

— Давай-давай, поехали! — выдавили мы, из последних сил поднимая урны в багажник. Он, видно, пожалел нас или понял, что поздно отказываться: тронулся, шлифуя по асфальту.

По дороге таксист только качал головой.

— Знал бы, не поехал бы с вами.

Мы же сидели как два героя с «бетонными трофеями». Привезли в часть, поставили. Командир вышел, посмотрел, почесал затылок:

— Вы где такое нашли?

Мы молчали. Он вздохнул, кажется, даже улыбнулся краешком губ.

— Больше вас никуда не отпускаю, куски придурков. Видно же, что стырили. Ладно, оставляйте. Все равно на место уже не вернешь. Два наряда вне очереди.

И ушел.

А добротные урны так и стояли с тех пор перед казармой. И каждый раз, когда мы мимо проходили, хихикали про себя. Мальчишки очень долго не взрослеют, надо это принять и простить.

Ведьма

Хотите — верьте, хотите — нет. Я не святой и не пособник дьявола, воспитан в советской семье и с малолетства впитал установку про материальность мира, но эта история случилась со мной и ни с кем другим. До того дня я смеялся над разговорами про сглаз, ведьм и прочую мистику. Кажалось, все это придумали слабые люди, чтобы оправдывать свои неудачи и списывать неуспехи на существ из третьего измерения. А потом я понял, что лучше бы я продолжал не верить...

Возвращался я из отпуска в училище в середине февраля — зима лютейшая: снег по колено, мороз щиплет уши, а дыхание тут же кристаллами оседает на воротнике. Мать, как обычно, сунула мне сумки с банками и закрутками: «Чтобы не голодал там со своим Олегом». Олег — мой сосед по комнате, да и друг вроде бы, хотя с ним все всегда было, скажем, сложно.

Еду в поезде, злюсь. Телеграмма от него пришла: «Встречай, брат, меня отчисляют за пьянку». Я, как мог, прикрывал его весь прошлый год, чтобы не выгнали из училища, и вот, пожалуйста. Сам на грани, а теперь еще и это.

Сумки тяжелые, ручки врезаются в пальцы. До квартиры добираться еще час с пересадками, ползу еле-еле, злой как собака. Стучу в дверь — тишина. Куда опять делся этот

человек-приключение? Иду ко второй хозяйке квартиры за ключами. Та встречает меня криком:

— Все, Олег, разбирайся со своим дружком. Сдам вас к чертовой матери другой хозяйке, надоели ваши пьянки!

— Меня и дома-то не было. Я стучу, там никто не открывает.

— Да они там, сто процентов. Спят, наверное, алкаши поганые.

Возвращаюсь. Дверь открывает какое-то «тело» и спрашивает, кто я. По глазам и поведению видно — пьяный в дрова, глаза стеклянные, руки трясутся, ноль реакции на меня. Не здороваясь, я зарядил ему в лицо. Он хлопнулся на пол, утих, а я захожу в комнату — и обомлел.

Такого я в своей жизни никогда не видел и, надеюсь, не увижу: бычки на полу, бутылки по всему полу, шприцы валяются. По кроватям и даже на моей — какие-то люди, полуголые, обкуренные до полусмерти, вокруг рвота, моча, кто-то уже в отключке. Вонь перегара и чего-то химического стоит такая, что глаза режет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.